
*Махлин В.Л.**

А.В. МИХАЙЛОВ КАК ФИЛОЛОГ-МЫСЛИТЕЛЬ

Аннотация. Тема статьи – особое место, которое занимал и занимает литературовед-германист А.В. Михайлов в отечественной гуманитарной науке. Это место, в сущности, «между» дисциплинами: он мыслил на пересечении филологических, философских, культурфилософских и историко-культурных проблем, причем в актуальной связи с современностью. В этом смысле его творческая активность исследователя – историка и теоретика литературы, переводчика – это позиция «филолога-мыслителя», редкая, но важная в гуманитарной науке. Особенно интересным и продуктивным в более поздних исследованиях А.В. Михайлова представляется его критика «модерноцентризма» и акцент на «историчности» научных и духовно-идеологических явлений и традиций, меняющих свой смысл в непрерывном движении времени и истории.

Ключевые слова: филолог-мыслитель; культурфилософ; исторический опыт; традиция; историчность; историзация знания и мира; модерноцентризм.

Поступила: 28.04.2022

Принята к печати: 01.06.2022

**Махлин Виталий Львович* – доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: vitmahlin@mail.ru

Makhlin Vitaly Lvovich – DSc in Philosophy, PhD in Philology, leading research worker of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vitmahlin@mail.ru

Makhlin V.L.

Alexander V. Mikhailov as a Philological-thinker

Abstract. This essay is an attempt to come to terms with the scholar Aleksandre. V. Mikhailov's place and function in the late-Soviet and post-Soviet humanities. This place and function is actually "between-the disciplines", at the points of intersection of particularly philology, philosophy and history of culture in their most acute contemporary problems. In this sense Mikhailov's creative activities as a literary critic, a theoretician, and a translator – thus, as a philological thinker – represent a rare but very important function within the humanities. In Mikhailov's later writings what seems to be most topical and productive is his critical stance in relation to "modern-centrism", as well as his stress on the "historicity" of all the scientific and ideological phenomena and tradition which transform their meaning in the incessant movement of time and history.

Keywords: philological thinker; historical experience; tradition; historicity; historicisation (of knowledge and the world); modernocentrism.

Received: 28.04.2022

Accepted: 01.06.2022

Для цитирования: Махлин В.Л. А.В. Михайлов как филолог-мыслитель // Вестник культурологии. – 2023. – № 1(104). – С. 228–244. DOI: 10.31249/hoc/2023.01.12

1

В этой статье¹ я хотел бы прояснить своеобразное место Александра Викторовича Михайлова (1938–1995) как исследователя в отечественной гуманитарной науке. Такая постановка вопроса мотивирована общеизвестными объективными обстоятельствами. Формально и институционально А.В. Михайлов был литературоведом-германистом, но еще в советское время он казался коллегам и многим читателям чем-то большим, и не только на взгляд германистов. Это «больше» не так легко определить: диапазон его научно-исследовательских интересов был необычно широк и заметно превосходил «нормальный»

¹В основу статьи положено выступление на «Михайловских чтениях» в ИМЛИ РАН (ноябрь 2018 г.).

средний уровень современного литературоведа и современного германиста.

Это «больше» развернулось и раскрылось более свободно с началом гласности в последние годы его жизни, но фактически оно ощущалось с первых его публикаций. Вспомним хотя бы опубликованный в 1969 г. доклад А.В. Михайлова о романтизме [Михайлов, 2000, с. 34–45]: здесь перед нами попытка вернуть проблематику романтизма на тот уровень, который русская гуманитарная наука достигла уже в 1910–1920-е годы и который был утрачен в последующие десятилетия, когда романтизмом у нас занимались в основном литературоведы, а философский и общемировоззренческий горизонт романтизма приходилось втискивать в догматические представления о «прогрессивных» и «реакционных» романтиках.

Как германист А.В. Михайлов остро осознавал (и фрагментарно комментировал в последние свои годы) происшедший в советский век почти беспрецедентный разрыв научной преемственности. Не случайно С.С. Аверинцев поставил в центр его мышления и рефлексий «русско-немецкую тему» как принципиальную для отечественной научной и духовно-идеологической культуры вообще [Аверинцев, 1997, с. 7–10]. Именно эта «тема», как мне кажется, особенно пострадала от утраты научной и духовно-идеологической преемственности в советские десятилетия.

Кем же был этот мало на кого похожий исследователь – литературоведом? филологом? историком культуры? теоретиком? культурфилософом? Очевидно, всем этим, притом в высокой степени. И все же любое определение, хотя бы и верное, будет недостаточным; как заметил однажды он сам, «определения неизбежны в смирении, как дела людей в не ими созданном мире» [Михайлов, 2006, с. 467]. Если назвать Михайлова литературоведом, филологом, историком культуры (думаю, «культурологом» он едва ли бы захотел считаться), то как увязать эти определения с устойчивым и весьма компетентным его отношением к философии – сначала к Гегелю, потом к Адорно, потом к Хайдеггеру, потом по-новому к Гегелю, наконец к герменевтической традиции от «школы Дильтея» до Хайдеггера и Гадамера?

А.В. Михайлов не был «философом» ни в профессиональном смысле, ни в смысле того, кого М.М. Бахтин называл «нашими мыслителями-самодумами», а язвительный Г.Г. Шпет – «белибердяями».

Он был предан идее науки, даже критикуя (имплицитно или открыто) ее ограничения и абсолютизацию в Новое время. Вопрос не в том, какое ведомственное определение больше соответствует характеру его мышления, а скорее в том, какой подход, или подступ, заданный возможным определением, позволил бы точнее обозначить специфику исследовательских интересов и проникновений Михайлова и объяснить, почему его утверждения и концепции (даже спорные) «питательны» для отечественной научно-гуманитарной мысли. Писавшие о нем пытались сформулировать особенное, «междисциплинарное» свойство его таланта и исследований: «филолог-писатель» [Бочаров, 2000, с. 12], «философствующий филолог» [Визгин, 2010, с. 45] и т.п. Эти и подобные определения по-своему адекватны и даже сходны постольку, поскольку они пытаются объективировать не объективируемое, межпредметное свойство, действительно присущее научно-исследовательской манере и дискурсу Михайлова, нечто, выходящее за пределы идеала Нового времени как «строгой науки». Хороший пример «инонаучного», по слову С.С. Аверинцева, аспекта научных исследований А.В. Михайлова – вышеприведенное замечание об «определениях», или, скажем, сравнение переводов, никогда не достигающих полной адекватности: «...читателю вместе с переводчиком приходится играть в четыре руки на расстроенном инструменте» [Михайлов, 1993а, с. XV]. В российских условиях и до и после революции не только филолог, но и философ нередко оказывался интереснее и «питательней» именно в качестве «писателя» (литератора, литературного критика, переводчика и т.п.): только так мог раскрыться стиснутый жестким идеологическим и институциональным диктатом научный и духовный потенциал автора.

2

Я бы назвал А.В. Михайлова филологом-мыслителем. Такое определение, как оно ни условно, позволяет выделить и охарактеризовать сущностное, интегральное свойство его творческого мышления, – движения исследовательской мысли как бы в поперечном сечении «наук исторического опыта», как называл Г.-Г. Гадамер гуманитарные науки [Гадамер, 1991, с. 34]). В отличие от наук естественных, гуманитарные дисциплины имеют своим предметом общественно-

исторический мир жизни, по-новому открытый в прошлом столетии – прежде всего и глубже всего наследниками классической немецкой философии. Только в контексте «мира жизни» (*Lebenswelt*), в контексте исторического опыта XX в. можно понять, как и почему А.В. Михайлов, вслед за Дильтеем, Хайдеггером, Гадамером и другими, проблематизировал так называемую историчность истории и культуры на межпредметных границах гуманитарно-филологического и философского мышления. Что означает этот термин в отличие от более привычного словопонятия «историзм»?

Термин «историчность» (немецкое *Geschichtlichkeit*) подразумевает, что всякое прошлое, как и всякая современность, включает в себе не только «свое время», но также и определенную смысловую полноту времени, исторически бывшее и будущее. Это относится также и к истории философии, к ее *Selbstbesinnung*, как говорят немцы (самопониманию, самоосмыслению). «Лишь по прошествии времени, иногда по прошествии многих веков <...>, – писал А.В. Михайлов в статье о А.Ф. Лосеве и научной терминологии, – философия начинает осознавать свою историчность». В эпоху «филологизации» научной культуры и культа «текста» Михайлов фактически вернулся к доминировавшей в первой половине прошлого столетия мысли о разомкнутости, развеществленности, открытости всех текстов миру истории. «Мир становится историческим, и вместе с ним становится такой философия. <...> Для истории философии, ставшей исторической для самой себя, всякая бывшая философия – тоже своя история» [Михайлов, 2006, с. 461]. По мысли А.В. Михайлова, современный мир и, соответственно, «науки о культуре, вопреки всякой мифологии в общественном и научном сознании, объективно причастны «историзации знания и мира» [там же, с. 463]. При этом для А.В. Михайлова важно, что «идея историчности» вполне органично входила в русскую философию начала XX в. в прямом контакте с немецкой современностью, как он показывает, среди прочего, на примере Г.Г. Шпета [там же, с. 451–458].

Не надо забывать, что А.В. Михайлов был литературоведом: литература и литературоведение, как правило, были непосредственными предметами и сюжетами его исследований и рефлексий, хотя его поздние лекции и размышления (например, о музыке) пронизаны, как и его историко-литературные исследования, глубоким и подчас тем-

ным, даже катастрофическим переживанием общественно-исторического опыта своей современности, своей историчности. Следуя за А.Н. Веселовским, Михайлов в книге об исторической поэтике выступает против попыток «обособить поэзию наперед» с помощью какого-нибудь априорного философско-теоретического или научного понятия, принципа, обобщения. «История, – сказано в начале этой книги (1989), – это первое и главное измерение поэзии; общественная мысль, в которую поэзия вливается, – другое» [Михайлов, 2006, с. 10]. Постараемся уточнить, что собственно этим сказано, поскольку мысль автора здесь настолько же традиционна, насколько и не традиционна, т.е. характерна не только для XIX, но и для XX в.

Литература (как и всякое творчество) исторична не только потому, что «принадлежит» определенной эпохе, «своему» времени, но еще и потому, что она актуально пребывает внутри тотальности исторического опыта, в его настоящем, прошлом и будущем, того, что М.М. Бахтин называл «большим временем» [Бахтин, 2002, с. 454].

Научная позиция А.В. Михайлова может показаться старомодной с точки зрения так называемой литературной теории 1960–1990-х годов. Последняя, как известно, в поисках «чистой литературности» литературы парадоксальным образом все больше склонялась к публично-риторической политизации литературы. Сегодня эта теоретизированная новизна выглядит более анахроничной, чем классическая традиция, которую А.В. Михайлов стремился не только сохранить, но и освободить от инерции и догматизма. Его научная и общественно-политическая позиция на рубеже 1990-х годов иногда как бы ослеплена журнальной полемикой с перестроечной эйфорией и с задававшим в то время тон неофутуристически-постмодернистским трендом – «радикальной переориентацией: с прошлого на будущее», так что в пылу полемики он мог признать, что «старая берлинская утопия (т.е. идея университета, обоснованная в начале XIX в. немецкими идеалистами. – *В. М.*) мне душевно ближе новой американской» [Михайлов, 1990, с. 98]. Тридцать лет спустя, после конца Нового времени в прошлом столетии, когда, похоже, никакая утопия больше невозможна, открывается перспектива: лучше разглядеть и понять основания тогдашней михайловской полемики.

«Филолог-мыслитель» – редкая, но тем более заметная фигура в отечественной гуманитарной науке. Редкая, поскольку в советской России еще радикальнее, чем на Западе, по словам С.С. Аверинцева, «единство филологии как науки было взорвано во всех измерениях» [Аверинцев, 1972, с. 979]. Этот «взрыв» во многом был продуктивным; как заметил в то время Л.В. Пумпянский, «требования смежных наук» по-новому открывали исторический мир по ту сторону традиционных абстрактно-теоретических понятий и общественно-политических иллюзий [Пумпянский, 2000, с. 33]. Однако во второй половине прошлого столетия профессиональная специализация и институционализация в науках исторического опыта приобрели угрожающий размах; в частности в литературоведении наметилась утрата отчетливого предмета исследования, имманентное овеществление гуманитарно-филологической деятельности. В своем ИМЛИйском докладе в декабре 1993 г. «Несколько тезисов о теории литературы» А.В. Михайлов определил эту общую ситуацию так: «...историко-культурные дисциплины в условиях отсутствия само собой разумеющегося, в условиях отсутствия очевидности» [Михайлов, 2006, с. 478]. Последующие десятилетия подтвердили этот диагноз, относящийся к современной ситуации в гуманитарном образовании у нас и на Западе.

Вот почему, надо думать, «филолог-мыслитель» прошлого и настоящего за последние десятилетия стал, с одной стороны, как бы лишним, выбивающимся за все более узкие и жесткие рамки научной специализации; а с другой стороны, наоборот, такого рода исследователь, повторимся, по-новому значим и ценен в гуманитарно-филологическом мышлении и познании. Ведь, как известно, единство *филологии* изначально и традиционно включало в себя различные дисциплины *общественно-исторического опыта мира жизни*, не исключая и философию.

Филологом-мыслителем на нашей памяти был, конечно, университетский приятель и коллега А.В. Михайлова – С.С. Аверинцев. Филологом-мыслителем в эпоху 1920–1930-х годов был вышеупомянутый Лев Васильевич Пумпянский (1891–1940) – приятель М.М. Бахтина и учитель известного музыковеда И.И. Соллертинского, литературовед с чертами гениальности, мыслявший необычайно широко и

ярко и, естественно, не обойденный вниманием Михайлова. Такие пережившие «сталинскую ночь» мастодонты, как А.Ф. Лосев и М.М. Бахтин, начинавшие как философы, а в старости как бы воскресшие, начиная с 1960-х годов приобрели известность и значение именно как филологи-мыслители в историко-культурных исследованиях, в которых они развивали свои ранние идеи, сложившиеся еще в 1920-е годы. Общая особенность упомянутых «филологов-мыслителей» – историко-филологическое, притом классическое, образование. Но если до революции в университетах не было философского факультета (только кафедра) и философское образование приобреталось отчасти по желанию факультативно) наряду с базовым классическим, то для поколения Михайлова и Аверинцева присяжная философия была более или менее чуждым, мертвящим наследием.

В отличие от философов-шестидесятников, которые были (и не могли не быть) марксистами, идущими в ногу со временем, гуманитарно-филологическое поколение шестидесятых годов не было «шестидесятничеством», поскольку, спасаясь от скучной официальной современности, уходило в прошлое минувших эпох, о чем выразительно вспоминал М.Л. Гаспаров в 1990-е годы. Отход общественных и культурных интересов от того, что А.В. Михайлов в поздние годы называл «модерноцентризмом», началось примерно с конца 60-х и в 70-е годы XX в. «Для “модерноцентризма”, – писал Михайлов в книге о В. Дильтее, – характерно мыслить современное состояние науки, во-первых, как вершину развития этой науки, а во-вторых, вследствие этого, – как меру всякого научного материала» [Михайлов, 2006, с. 228].

Публичная критика «модерноцентризма», разрывавшего опыт современности и опыт прошлого (как «предыстории человечества»), стала возможной, разумеется, уже в постсоветские времена: ведь так называемый принцип историзма был в советской науке официальным; но на неофициальном уровне в гуманитарной науке задолго до 1991 г. началось как бы обратное модерноцентризму движение. В отличие от многих, вовлеченных в это движение непосредственно, Михайлов не довольствовался непосредственностью и при первой гласной возможности выдвинул теоретический принцип относительно нового в нашей науке направления в историко-культурных и историко-философских исследованиях – принцип «обратного перевода» [Михайлов, 2000,

с. 14–16]. «Учиться обратному переводу», по его мысли, означало радикальную переориентацию в понимании и оценке истории культуры и истории вообще. Прошлое культуры – это не только предыстория на восходящем пути знания и линейного прогресса, но и потенциал вопросов и ответов современности, что-то утратившей в своем развитии по сравнению с прошлым. Дистанцируясь от победоносной современности, позиционировавшей себя как начало «космической эры» и как «социализм с человеческим лицом», филологи, литературоведы, историки культуры, переводчики открывали историческое прошлое не только как прошлое, но и как *другую современность*, а тем самым и как другую «историчность» с ее открытыми, незавершенными смыслами и проблемами.

Вот почему, вероятно, период так называемого застоя не был застойным; в 1960–1980-е годы проблематика исторического опыта оказалась в центре научных исследований благодаря таким выдающимся исследователям, как С.С. Аверинцев и Ю.М. Лотман, А.В. Михайлов и М.Л. Гаспаров, Д.С. Лихачев и А.М. Панченко и др. Приоритет «слова» по сравнению с «делом» поколебался в общественном и научном сознании тогда, когда эпоха застоя закончилась; А.В. Михайлов, не разделявший либеральную эйфорию современников, одним из первых и глубже многих распознал «смыслоутраты», открывшиеся на переломе эпох не только в общественно-политическом мире, но также и в самих «науках о культуре» – в поперечном сечении современной истории в целом. В заметках начала 1990-х годов, когда все ждали перемен к лучшему, читаем: «...перемены к лучшему (если их считать таковыми) действительно подчеркивают возможность и вероятность поворота к худшему» [Михайлов, 1993б, с. 32]. Сегодняшняя «внеаходимость» тому времени, освобожденная от тогдашних политических пристрастий и раздоров, позволяет, как кажется, лучше оценить проницательность А.В. Михайлова.

Судя по публикациям, историко-философская проблематика в работах А.В. Михайлова как бы вышла на поверхность вместе с наступившей гласностью. По-видимому, интерес к философии был у него всегда, но в советские времена этот интерес продуктивно опосредо-

вался в специализации автора – как это в большей или меньшей степени имело место у многих гуманитариев последних советских десятилетий. Но случай Михайлова характерен и показателен, по крайней мере, по трем взаимосвязанным причинам.

Во-первых, потому, что историко-философская и, шире, духовно-идеологическая проблематика с самого начала присутствует в его исследованиях (Просвещение, романтизм, XIX и XX в.). Литература, музыка, живопись, философия были импульсами научного исследования, причем сквозь призму движения времени и в особенности на разломах эпох. *Во-вторых*, А.В. Михайлов, будучи германистом, воспринял в немецкой культуре (по-немецки выражаясь – в «духовной истории», *Geistesgeschichte*) характерную особенность, которую с подачи наследников так называемой классической немецкой философии называют сегодня «герменевтической». Действительно, у немцев традиционно имеет место особый подход к истории. В. Дильтей в программном труде «Введение в науки о духе» (1883) отмечал в этой связи, что «германский дух, в отличие от духа английского или французского, живет сознанием исторической преемственности. <...> Отсюда историческая глубина германского духа, в котором минувшее выступает как момент сегодняшнего исторического сознания [Дильтей, 2000, с. 405]. В наследии А.В. Михайлова как целом бросается в глаза стремление, с одной стороны, навести событийно-исторические «мосты» между русской и немецкой духовной историей, а с другой – рассматривать духовно-идеологические и научно-гуманитарные явления таким образом, что минувшее выступает как момент сегодняшнего исторического сознания. Иногда это удавалось исследователю больше, иногда меньше, но сама тенденция к утверждению зависимости современности от прошлого, преемственности как прогрессивной, так и регрессивной – не подлежит сомнению. Это особенно заметно в более поздних работах и выступлениях; его интересовала не вообще философия, но история философии в контексте истории немецкой и, шире, европейской, культуры, т.е. *герменевтика исторического опыта*. Иначе говоря, *Geistesgeschichte* интересовала Михайлова *на границах* – границах эпох и языков культур, на границах философии и филологии, на границах интеллектуальной истории и истории как таковой, во взаимосвязи с русской духовной историей, на границах русской и западной науки. *В-третьих*, наконец, интересам, образованию и специ-

ализации А.В. Михайлова отвечала конститутивная особенность его творческого (исследовательского) облика, которую не так легко определить, хотя она достаточно очевидна. Нелегко потому, что эта особенность располагается не внутри какой-то одной специальности – скажем, литературоведения, музыковедения или германистики, – но, по-бахтински выражаясь, «на стыках и пересечениях» научных дисциплин [Бахтин, 1996, с. 306]. Ведь никакая научная дисциплина не автономна: она актуальна и развивается *на границах* культурных областей, и всякий значительный «филолог-мыслитель» работает на этих границах.

5

В заключение я постараюсь подытожить и прокомментировать такие направления мысли А.В. Михайлова как филолога-мыслителя, которые представляются мне наиболее перспективными и актуальными для гуманитарно-филологических исследований, если угодно – его «завещанием». Известный немецкий историк герменевтической традиции в Германии Фритьоф Роди употребил слово «завещание» (Vermächtnis) в своем некрологе, напечатанном в редактируемом им «Ежегоднике Дильтея» [Rodi, 1996, S. 145]; «Завещанием» позволительно считать не только деятельность А.В. Михайлова как «философского переводчика», о чем говорит здесь Ф. Роди, но и его научно-гуманитарную позицию в целом, в которой можно выделить следующие принципиальные аспекты *программы выхода за пределы модерноцентризма*.

(1) *Историзация знания*, всех традиций в истории культуры и в науках о культуре. «Историзация» – это процесс размыкания по видимости «неподвижных» смыслов, ценностей, знаний, верований, сознания прошлого и современности, не отрицание, а, напротив, обогащающее переосмысление их в большом времени истории. Исторический опыт не автономен, не равен себе постольку, поскольку мы живем, мыслим, переживаем и поступаем изнутри чего-то большего, чем мы сами, и к наукам о культуре это относится не меньше, чем к опыту так называемой повседневности или к опыту искусства.

(2) Фронтальная «историзация знания (и мира)» предполагает критику традиционного (в особенности нововременного) понятия науки, но

критику не «против», а «за». Наука перестает быть идеальным знанием «вообще», она есть «мышление истории» [Михайлов, 2006, с. 272]. Иначе говоря, наука осознанно или бессознательно мотивирована и ограничена своею историчностью; она, опять-таки, причастна большому, чем она сама, и это «большее» (история) не только продуктивно замыкает науку в «своем» времени, но и размыкает, приобщает однажды открытое и познанное будущему историческому знанию. Актуальность переосмысления историзма в свете идеи «историзации» связана собственно с устойчивым представлением об автономии науки, ее внутренней непричастности историческому опыту; отсюда распространенный предрассудок, имеющий две стороны: неверие в научность или, наоборот, ее переоценка [там же, с. 283]. Равным образом, ни опора на традиции, ни, наоборот, отрицание традиций в искусстве и в науке не дают подлинной ориентации в «мышлении истории». Всякая гуманитарная наука «вынуждена всегда начинать с самого начала – хочет этого исследователь или нет, по душе это ему или нет. В эпохи исторических переломов и «руин» само собой разумеющегося наука вынуждена обращаться к своим собственным основаниям, а эти основания не идеальны, а историчны, они позволяют заново ставить вопросы, «заставленные», по слову Хайдеггера, традицией.

(3) В этом контексте А.В. Михайлов в начале 1990-х годов выдвинул, среди прочего, тезис об «экзистенциальном положении науки в наши дни» [там же, с. 272]. Положение науки «экзистенциально» постольку, поскольку традиция («само собой разумеющееся») *само собой больше «не работает»*, не создает нового знания, а скорее симулирует его. Можно, например, остаться с «текстом», как с дыркой от бублика, когда материально текст, казалось бы, перед нами, а что с ним делать – не совсем понятно. Эпитет «экзистенциальный» здесь указывает не столько на автономную субъективность исследователя, сколько на объективную *ситуацию* («положение»), в которой может оказаться исследователь и научное сообщество в определенных исторических условиях. «Экзистенциальный» в этом смысле означает, говоря словами В. Дильтея, «участие индивида в том, что превосходит его самого»; такова же и наука как «превосходящая индивида взаимосвязь разума» [Дильтей, 2000, с. 407]; по Михайлову, это и есть *мышление истории*. Вопреки расхожему представлению, углубляясь в себя и свое «экзистенциально», мы, напротив, не довлеем себе, но «эк-

зистлируем», выходим из себя в исторический мир жизни. А.В. Михайлов отмечает в связи с этим: «...как только мы перестаем довольствоваться *своим* представлением об истории, так наше сознание окажется реально захваченным историей, в какую погружены все мы (как и все исторически существующие вещи), – уже не в нас мера исторического, а в истории, причем изменчивой в самой себе» [Михайлов, 2006, с. 231].

(4) Экзистенциальная рефлексия исследователя в науках исторического опыта позволяет, таким образом, критически отнестись к историчности собственного способа мыслить; ведь поставить вопрос об основаниях нашего способа мыслить значит обратиться к своим предпосылкам, предрассудкам, предположениям, предубеждениям, предвосхищениям и т.п. Наш филолог-мыслитель завещал, помимо прочего, проблематику *современной герменевтики*, которую, следуя за Хайдеггером, Гадамером и другими наследниками и критиками так называемой классической немецкой философии в XX в., А.В. Михайлов умел *передавать* на понятном русском языке, как, например, в следующем пассаже о литературоведении: «Какие предположения делаем мы, когда занимаемся анализом художественного произведения?... Какие предсуждения (Vor-Urteile) руководят нами в нашей деятельности? Или, иначе, какой забег вперед мы делаем, что наперед уже себе присваиваем и предрешаем, когда только еще вступаем в область литературоведения? [там же, с. 236–237]. Экзистенциальный поворот в философии и в науках о культуре, который А.В. Михайлов переносит-переводит на российскую почву в первые же постсоветские годы, – важный шаг в деле преодоления так называемого онаучнивания (Vorwissenschaftlichung) мира в науках исторического опыта. Само по себе это, конечно, не ново: вспомним, что 100 лет назад молодой М.М. Бахтин начинал свою философскую программу с критики «рокового теоретизма» Нового времени, а молодой М. Хайдеггер в те же годы – с критики «теоретической установки» (theoretische Einstellung) и «платонизма варваров» (Platonismus der Barbaren) традиционной философии и науки. И здесь возникает еще один важный аспект наследия и «завещания» А.В. Михайлова, на котором, мне кажется, стоит остановиться.

(5) Для отечественной науки, в особенности гуманитарной, всегда было и остается актуальным и даже болезненным то реальное, не ри-

торическое, онтологически-событийное *взаимоотношение* между российским и западноевропейским историческим миром опыта. А.В. Михайлов, как «философствующий переводчик» (Ф. Роди), как русский филолог-мыслитель, собственно, *жил* внутри этого взаимоотношения, которое обострилось и выплеснулось наружу в годы гласности и так называемой перестройки. С одной стороны, Михайлов признает: «Мы выпали из мировой науки, цельность и единство которой определяется уже самой сущностью науки» [Михайлов, 2006, с. 276]. С другой стороны, он настаивает: «Не в том беда, что мы отстали от чужого опыта (чужой опыт, догони мы его, все равно останется чужим), а в том, что мы отстали от самих себя» [там же, с. 277], [Михайлов, 1990, с. 93–100]. *Отстали от самих себя* в смысле разрыва научной преемственности в той области исторического опыта, в которой гуманитарно-филологическое мышление, опираясь на философскую герменевтику, не может не пытаться вернуть актуальный смысл и цель своей деятельности, вернувшись к своим основаниям.

«Завещание» А.В. Михайлова, разумеется, не исчерпывается выделенными здесь моментами и, главное, не гарантирует какой-то беспроблемной преемственности. Его мышление «питательно» (как сказал о нем С.Г. Бочаров однажды в телефонном разговоре), возможно, как раз в силу глубокой внутренней противоречивости наиболее интересных утверждений, подчас не вполне развернутых и, можно сказать, «не ответченных», т.е. не подкрепленных основательной дискуссией (диалогом). Наследие и «завещание» А.В. Михайлова, как филолога-мыслителя, перспективны постольку, поскольку удастся развернуть и, при удаче, актуализовать поднятые им в свое время проблемы.

Список литературы

Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 7. – С. 973–979.

Аверинцев С.С. Путь к существенному // *Михайлов А.В.* Языки культуры : учеб. пособие по культурологии. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – С. 7–10.

Бахтин М.М. Проблема текста (1960) // *Бахтин М.М.* Собр. соч. : в 7 т. – Москва : Русское слово, 1996. – Т. 5. – С. 306–326.

- Бахтин М.М. Ответ на вопрос «Нового мира» (1970) // Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – С. 451–457.
- Бочаров С.Г. Огненный меч на границах культур // Михайлов А.В. Обратный перевод. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–13.
- Визгин В.П. Александр Викторович Михайлов : штрихи к философской характеристике // Философский журнал. – Москва : ИФ РАН, 2010. – № 2(5). – С. 30–48.
- Гадамер Г.-Г. Что есть истина? // Логос. – 1991. – № 1. – С. 30–37.
- Данилина Г.И. «Слово на развалинах истории» : Проблема историзма и ключевых слов в поздних работах А.В. Михайлова // Жизнь в науке: Ал. В. Михайлов – исследователь литературы и культуры : коллективная монография. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 167–191.
- Дильтей В. Собр. соч. : в 6 т. / под ред. А.В. Михайлова, Н.С. Плотникова ; пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2000. – Т. 1 : Введение в науки о духе. – 762 с.
- Махлин В.Л. «Литературная теория» как вызов академическому литературоведению (1960–1990-е годы) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 3. – С. 361–369.
- Михайлов А.В. Феноменология и ее роль в современной философии: (о Гуссерле) // Михайлов А.В. Избранное: Феноменология австрийской культуры. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2009. – С. 265–268. – (Письмена времени).
- Михайлов А.В. С другого берега // Вопросы литературы. – 1990. – № 5. – С. 93–100.
- Михайлов А.В. Введение // Хайдеггер М. Избранные работы разных лет / перев. и сост. А.В. Михайлова. – Москва : Гнозис, 1993 а. – С. VII–LII.
- Михайлов А.В.. Из зарубежных впечатлений : Мюнхен, Вена, Брно // Музыкальная академия. – 1993 б. – № 1. – С. 32–38.
- Михайлов А.В. Языки культуры : учеб. пособие по культурологии. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 912 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Михайлов А.В. Обратный перевод : рус. и зап.-европ. культура: проблемы взаимосвязей. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 848 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Михайлов А.В. Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 560 с. – (Письмена времени).
- Пумпянский Л.В. Классическая традиция. – Москва : Языки славянской культуры, 2000. – 847 с.
- Rodi Fr. Zum Tod von Alexander Mikhailov // Dilthey Jahrbuch. – 1996. – Bd 10. – S. 145–150.

References

Averincev, S.S. Filologiya [Philology]. In *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* [A short literary encyclopedia]. Vol. 7. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1972, pp. 973–979. (In Russ.)

Averincev, S.S. Put' k sushchestvennomu [The path to the essential]. In Mihajlov A.V. *Yazyki kul'tury : Ucheb. posobie po kulturologii* [Mikhailov A.V. Languages of

culture : Textbook on cultural studies]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1997, pp. 7–10. (In Russ.)

Bakhtin, M.M. Problema teksta (1960) [Problem text (1960)]. In Bakhtin M.M. *Sobr. soch. : v 7 t.* [Bakhtin M.M. Collected works in 7 volumes]. Vol. 5. Moscow, Russkoe slovo Publ., 1996, pp. 306–326. (In Russ.)

Bakhtin, M.M. Otvet na vopros “Novogo mira” (1970) [The answer to the “New World” question (1970)]. In Bakhtin M.M. *Sobr. soch. : v 7 t.* [Bakhtin M.M. Collected works in 7 volumes]. Vol. 6. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002, pp. 451–457. (In Russ.)

Bocharov, S.G. Ognennyj mech na granicah kul'tur [The fiery sword on the borders of cultures]. In Mikhailov A.V. *Obratnyj perevod* [Mikhailov A.V. Reverse translation]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, pp. 7–13. (In Russ.)

Vizgin, V.P. Aleksandr Viktorovich Mikhailov: Shtrihi k filosofskoj karakteristike [Alexander Viktorovich Mikhailov: Touches to the philosophical characterization]. In *Filosofskij zhurnal*, no. 2(5), 2010, pp. 30–48. Moscow, IF RAN Publ. (In Russ.)

Gadamer, G.-G. Chto est' istina? [What is truth?]. In *Logos*, no. 1, 1991, pp. 30–37. (In Russ.)

Danilina, G.I. “Slovo narazvalinah istorii” : Problema istorizma I klyuchevyh slov v pozdnih rabotah A.V. Mikhailova [“The Word on the ruins of history” : The problem of historicism and keywords in the late works of A.V. Mikhailov]. In *Zhizn' v nauke: A.V. Mikhailov – issledovatel' literatury I kul'tury / Kollektivnaya monografiya* [Life in Science: A.V. Mikhailov – researcher of literature and culture / Collective monograph]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 167–191. (In Russ.)

Dil'tej, V. *Sobr. soch. : v 6 t.* / pod red. A.V. Mihajlova i N.S. Plotnikova; per. s nem. pod red. V.S. Malahova [Collected works : in 6 volumes / edited by A.V. Mikhailov and N.S. Plotnikov; trans. from Germ. edited by V.S. Malakhov]. Vol. 1 : Introduction to the Sciences of the Spirit. Moscow, Dom intellektual'noj knigi Publ., 2000. 762 p. (In Russ.)

Makhlin, V.L. “Literaturnaya teoriya” kak vyzov akademicheskomu literaturovedeniyu (1960–1990-e gody) [“Literary theory” as a challenge to Academic Literary Studies (1960–1990 s)]. In *Social'nye I gumanitarnyenauki. Otechestvennaya I zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie*, no. 3, 2021, pp. 361–369. (In Russ.)

Mikhailov, A.V. Fenomenologiya I ee rol' v sovremennoj filosofii: (o Gusserle) [Phenomenology and its role in modern philosophy: (about Husserl)]. In Mikhailov A.V. *Izbrannoe: Fenomenologiya avstrijskoj kul'tury* [Mikhailov A.V. Favorites: Phenomenology of Austrian Culture]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, Universitetskaya kniga Publs., 2009, pp. 265–268. (Pis'mena vremeni). (In Russ.)

Mikhailov, A.V. S drugogo berega [From the other shore]. In *Voprosy literatury*, no. 5, 1990, pp. 93–100. (In Russ.)

Mihajlov, A.V. Vvedenie [Introduction]. In Hajdegger M. *Izbrannye raboty raznyh let / perev. I sost. A.V. Mikhailova* [Heidegger M. Selected works of different years / transl. and comp. A.V. Mikhailov]. Moscow, Gnozis Publ., 1993 a, pp. VII–LII. (In Russ.)

Mikhailov, A.V. Iz zarubezhnyh vpechatlenij: Myunhen, Vena, Brno [From foreign impressions: Munich, Vienna, Brno]. In *Muzykal'naya akademiya*, no. 1, 1993 b, pp. 32–38. (In Russ.)

Mikhailov, A.V. *Yazyki kul'tury: Ucheb. posobie po kulturologii* [Languages of culture : Textbook on cultural studies]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. 912 p. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russ.)

Mikhailov, A.V. *Obratnyj perevod : Rus. i zap.-evrop. kul'tura: problem vzaimosvyazej* [Reverse translation : Rus. and zap.-Europe. culture: problems of interrelations]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 848 p. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russ.)

Mikhailov, A.V. *Izbrannoe : Istoricheskaya poetika I germenevtika* [Favorites : Historical poetics and hermeneutics]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta Publ., 2006. 560 p. (Pis'mena vremeni). (In Russ.)

Pumpyanskij, L.V. *Klassicheskaya tradiciya* [Classical tradition]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000. 847 p. (In Russ.)

Rodi, Fr. Zum Tod von Alexander Mikhailov. In *Dilthey Jahrbuch. Bd 10*. 1996, pp. 145–150. (In Germ.)